

ПОЛЬ ФРЕСС

Исполнилось 70 лет со дня рождения одного из крупных современных психологов — Поля Фресса.

Талантливый ученик А. Пьерона и А. Мишотта, он сыграл существенную роль не только в развитии экспериментальной психологии в странах французского языка, но и в современной психологии в целом.

Богата научная, педагогическая и общественно-организаторская деятельность Фресса. С 1943 по 1952 г. он был заместителем директора, а с 1952-го — директором лаборатории экспериментальной и сравнительной психологии Сорбонны. С 1953 г. Фресс — заместитель директора, а с 1961 по 1970 г. — директор Института психологии Парижского университета. С 1966 по 1969 г. Фресс — президент Международной Ассоциации психологов, а с 1976-го — президент XXI Международного психологического конгресса.

Основные направления научной деятельности П. Фресса: психология времени и ритма, восприятия и памяти, эмоций, мотивов и потребностей, психолингвистика, теория психологического экспериментирования.

Среди фундаментальных исследований Поля Фресса следует отметить книги «Психология времени» (1957), «Психология ритма» (1973) и «Ритмические структуры» (1956). Под редакцией П. Фресса и Ж. Пиаже в 1963—1966 гг. в Париже вышла в свет многотомная коллективная работа «Экспериментальная психология», в которой систематизированы и обобщены основные достижения современной психологии.

О. М. Тутунджян

О ПСИХОЛОГИИ БУДУЩЕГО¹

Фресс П.

Какая дерзость — осмелиться говорить о психологии будущего, когда уже трудно знать психологию вчерашнего и сегодняшнего дня! И можно ли предвидеть, что станут делать психологи завтра?

Между тем, подобная самонадеянность может быть оправдана в Лейпциге, где празднуется столетие созданной В. Вундтом первой лаборатории экспериментальной психологии, в которой сформировались первые крупные немецкие, европейские и американские психологи конца XIX в.

Это было, по существу, создание новой отрасли знания. Вундт признавал смелость своего предприятия уже в 1874 г., когда писал в предисловии к «Основам физиологической психологии»: «Труд, который я выпу-

¹ Статья написана на основе доклада на XXII Международном конгрессе по психологии.

скаю в свет, является попыткой вычленить новую область науки». Настал ли ее час? — спрашивал он. Нельзя сказать, что в ту эпоху ответ напрашивался сам собой, даже несмотря на то, что У. Джемс, например, предпринимал нечто подобное в Гарварде. В 1884 г., через десять лет после публикации своей книги, Вундт писал: «Мы полагаем, что замысел этот осуществится в будущем, и полностью отдаем себе отчет в том, что в настоящее время дело обстоит иначе. В Германии представители психологии сходятся в одном: они ненавидят экспериментальную, или физиологическую психологию и склонны расценивать преподавание ее основных положений и результатов исследований как разновидность богохульства».

В чем же усматривалось «богохульство»? Вундт объяснял и наглядно показывал, что в психологии можно применять экспериментальный метод и что, следуя по пути, проложенному Г. Фехнером, можно с помощью математических приемов обрабатывать полученные таким методом результаты.

Сегодня экспериментальная психология существует, и речь идет о том, чтобы попытаться определить направления, по которым она будет развиваться в ближайшем будущем. Это рискованное предприятие, поскольку, с одной стороны, составление перспектив научного развития предполагает описание направлений, в которых мы уже работаем, и определение ближайших целей, а с другой стороны, в планах на будущее находят выражение надежды, которые можно назвать утопическими.

Сегодня проблема состоит не в том, чтобы создавать или не создавать психологию как науку, а в том, чтобы понять, не угрожает ли бурное развитие ее единству. Действительно, что общего между психофизиологами, социальными психологами и медицинскими психологами? Мы перечислили лишь несколько названий кафедр, в то время как насчитываются десятки подразделений в Американской психологической ассоциации и выпускаются несколько сот все более и более специализированных психологических журналов. Назовем некоторые из них: «Perception and Psychophysics», «Behaviour Genetics», «Motivation and Emotion», «Human Relations», «International Journal of Psycholinguistics».

Такое положение известно всем. Но существовало ли когда-либо единство психологии? З. Коч (Koch) считает это мифом. Он прав, если иметь в виду психологию, понимаемую как цельную и связную систему законов. Однако никто не станет отрицать, и Коч в том числе, что в природе имеется оригинальный вид — человек, это прямоходящее животное, одаренное огромным мозгом, обладающее речью и бесконечными возможностями. По своей природе человек представляет такой уровень организации, который требует создания отдельной науки.

Человека исследуют многие науки. Это «животное» изучается всеми науками о жизни — от биохимии до физиологии. С другой стороны, оно является членом сообществ, у каждого из которых свой язык, свои обычаи, своя история. Этим занимаются наши коллеги социологи, этнологи, историки, философы. У психологов своя задача — изучать человека как своеобразную живую организацию и стремиться объяснить ее механизм и особенности реакции на сигналы, исходящие из физического и социального окружения. Такая цельность объекта психологии не означает, что мы придем к «отшлифованной» и замкнутой на самой себе науке.

Вундт с самого начала различал у психологии две грани. На одной из них он помещал физиологическую, или экспериментальную психологию, предметом которой было изучение отношений между фактами сознания и физиологическими механизмами. На другой располагалась та «Психология народов», десять томов которой Вундт опубликовал между 1900—1920 гг. По его мнению, экспериментальная психология не могла изучать высшие психические процессы. Их проявления и законы он искал в творениях человеческой культуры.

Двуликость психологии у Вундта есть не что иное, как результат растерянности человека перед лицом собственной сложности. Со времен Платона и Аристотеля западная философская мысль формируется под влиянием идеи различия тела и духа. Статус этих «сущностей» или аспектов неодинаков у разных философских школ, а их союз являет собой головоломку как для философов всех времен, так и для современных психологов. В наши дни психологи почти единодушно называют себя монистами, т. е. не считают человека совокупностью двух субстанций. Но в практике и научных трудах они отличают физиологические или биологические процессы от психических.

Как бы перекликаясь с Вундтом в вопросе различения психологии физиологической и этнологической, Н. Сатерленд (Sutherland) в 1979 г. писал, что современный период характеризуется расколом психологов на приверженцев психологии, понимаемой как «нейронаука», и сторонников когнитивной психологии. В том и другом лагере со времен XIX столетия проблемы и методы изменились, но разрыв в психологии остается, и его следует учитывать, если мы не хотим разрушить представление о целостности человека, заботясь о связности методов.

В человеке следует различать «человека природы» и «человека культуры». История «человека природы» насчитывает миллионы лет и начинается с процесса рождения человекоподобных из царства животных. Человек этот может и должен изучаться всеми естественными науками. Чтобы понять «человека природы», они должны соотнести его генетический потенциал, биологическую оснащенность и особенно возможности центральной нервной системы с его деятельностью и поведением. Так возникает нейропсихология восприятий, эмоций, а также речи.

К психологии «человека природы» относится все, что называют экспериментальной психологией — будь то экспериментальная психология ребенка, взрослого или старика. Эта психология, которую можно назвать номотетической, стремится установить общие законы, объясняющие постоянные отношения между наблюдаемыми феноменами. Отсюда происходят законы ощущений, двигательной активности, состояний, законы психофизики, восприятия, научения, даже некоторые законы психолингвистики и возрастной эволюции человека. Говоря о законах, я думаю не о причинных связях, а о законах вероятностных, поскольку любая деятельность, даже самая простая, зависит от многих факторов.

Приведу лишь один пример, который вспоминается в связи с симпозиумом по движению глаз, организованным мною на Лейпцигском конгрессе. Эти движения зависят от законов организации моторики глаз. Паузы, длительность и амплитуда саккад изменяются в сравнительно малом диапазоне, но и внутри этих границ движения глаз зависят также от задачи (вождение автомобиля, чтение плана или текста) и цели субъекта (например, расшифровка или чтение рукописи).

Результаты подобных исследований достаточно хорошо поддаются математическому исчислению и статистической обработке; они варьируют в довольно узком диапазоне, что позволяет легко выбирать из нескольких гипотез.

Но этот «человек природы» является также продуктом культуры. С момента рождения он погружен в мир культуры, чья писаная история исчисляется уже не миллионами, а тысячами лет. «Природные» способности позволяют ему в ходе социального воспитания усвоить знания, приобретенные человечеством. Он учится познавать свое окружение и самого себя, формируя в течение индивидуальной истории свою личность. Эта эволюция происходит не стихийно. Источники ее влияния и разнообразие когнитивных реакций таковы, что законы, позволяющие интерпретировать когнитивные процессы и основные характеристики личности, не дают возможности получать такие же систематические результаты, как при исследовании «человека природы».

Из этого вовсе не следует, что существуют две психологии: та, которую можно назвать нейронаукой, и та, которая является отраслью гуманитарных наук; причем одна изучает значение врожденного, вторая — приобретенного. Подобный разрыв возвращает к прошлым ошибкам и к агностицизму дуалистического толка.

Будущее психологии зависит от нашей способности все более и более ясно представлять сложность человека. Для этого недостаточно согласиться, что между врожденным и приобретенным существует взаимодействие. Подобное пассивное утверждение скрывает настоящие проблемы, поскольку наша задача — упорно исследовать многочисленные детерминанты простейшего из наших действий. В этом многообразии всегда присутствуют причины, связанные как с природой человека, так и с историей каждого индивида, всегда имеет место интеграция множественных причинных связей. Кто сводит подобную множественность к одной определяющей детерминанте — будь то генетическая основа, влияющие среды или бессознательное, — тот задерживает развитие психологии или искажает ее.

Что можно сказать о современном положении в психологии? Увеличение количества исследований и их разнообразие означают не то, что она распалась, а то, что наши исследовательские возможности раскрывают многочисленные сплетения, связывающие малейший стимул и самую элементарную реакцию. Каждый из нас изучает лишь фрагмент системы и должен сознавать, что изолирует, хотя и законным, но искусственным путем часть ансамбля с бесчисленными разветвлениями, которые связывают в единое целое «человека природы» и «человека культуры». У психологов нет единой теории человека, и невозможно, на наш взгляд, ее создать. Есть локальные модели, которые по мере своего удаления от биологических процессов становятся все менее опровержимыми. Как писал А. Саймон (Simon), человек всегда имеет в своем распоряжении несколько систем и может использовать различные стратегии для решения одной задачи.

Само собой разумеется, что в зависимости от поставленной проблемы психолог использует различные специальные методы и средства. Выяснение отношений между вызванными потенциалами и восприятием требует иных методов, нежели те, с помощью которых определяются условия появления лидера в группе. Но мне кажется, что мы преодолели двусмысленность в вопросе единства психологии и цельности человека, сковавшую психологию в первые десятилетия ее существования.

Вначале объектом изучения психологии были факты сознания, а в качестве предпочтительного метода использовалась интроспекция. Из-за недостатков и ограниченности этого метода, ставших причиной распада Вюрцбургской школы и банкротства школы Э. Титченера в Корнеллском университете, а также в связи с успехами психологии животных психологи 20-х годов стали бихевиористами. Сегодня этим термином, приобретшим уничижительный смысл, называют тех, кто пытался вслед за Дж. Уотсоном установить связь между стимулами *S* и реакциями *R*, не заботясь о том, что было в так называемом черном ящике. Этого табу на изучение того или иного аспекта человека более нет. Научное исследование эмоций не может игнорировать роль лимбической системы, а физиологи, в свою очередь, интересуются процессами сознания. Восприятия являются реакцией на окружающую среду, но никто не может игнорировать их феноменальный аспект; роль представлений выясняется в исследованиях памяти и т. д. Теория бихевиористов была искаженной, но их метод можно считать хорошим. Психология начинается с изучения двигательной и вербальной активности, поведения и действий. Она ищет то, что их объясняет. Исследуемый материал может быть различным, но подход — одним и тем же и у психоаналитика, и у нейропсихолога, и у психолога-экспериментатора или специалиста в области социальной

психологии. Все они исследуют реакции людей на определенные ситуации, независимо от того, складываются ли эти ситуации стихийно или специально создаются, определяются социальными или физиологическими параметрами. Поэтому сегодня говорят и о субъективном бихевиоризме Дж. Миллера, Е. Галантера, К. Прибрама (Miller, Galanter, Pribram), и о бихевиористском ментализме А. Пейвио (Paivio), и о когнитивном бихевиоризме С. Кука (Cook).

В психологии будущего разнообразие методов и подходов к поведению и деятельности человека будет увеличиваться. Наши научные парадигмы численно растут, хотя и остаются ограниченными.

В области восприятия, которую я знаю лучше всего, можно описать развитие наших знаний на протяжении последних тридцати лет. Наиболее полно изучены физиологические основы восприятия. Так, Д. Хьюбел и Т. Визел (Hubel, Wiesel) обнаружили специальные нейроны при восприятии направления. Группа ученых из университета Кларка показала важность сенсорно-тонических связей. Представители школы «нового взгляда» указали, что каждый акт восприятия детерминируется или, скорее, предопределяется нашими знаниями, нашей установкой и, в более общем смысле, нашей личностью. Х. Виткин (Witkin) установил относительную зависимость нашего восприятия от перцептивного поля и вывел из этого одну из личностных характеристик. Многие сообщили нам о возможностях нашей перцептивной системы теория информации. Желая применить физическую модель, мы случайно обнаружили, что моделирование необходимо в психологии. Успехи в области использования вычислительных машин вдохновили нас на исследование восприятия как процесса обработки информации, включающего иерархическое кодирование. Наши представления о восприятии обогатились и благодаря исследованиям, открывающим особенности раннего развития перцептивных процессов и их поэтапной последовательности.

В области исследований памяти я также вижу разнообразие подходов, хотя мне кажется, что они слишком связаны некоторыми парадигмами. Путем постановки новых задач можно достичь новых рубежей во всех областях психологии.

Хотелось бы особо остановиться на мультифакторном подходе ко многим экспериментальным задачам, особенно в плане зависимости результата как от личности, так и от ситуации. Этот подход представляется мне очень плодотворным. Виткин, Айзенк, Кэттел (Witkin, Eysenck, Cattell) были пионерами на этом пути, но у них еще мало последователей.

Проанализируем этот вывод с точки зрения статистической методологии. С одной стороны, экспериментаторы изучают корреляции между различными результатами группы испытуемых. При помощи факторного анализа они ищут общее у этих испытуемых. С другой стороны, исследователи выясняют взаимосвязи стимулов и реакций на отдельной группе испытуемых. Их сравнения приводят к дисперсионному анализу, объектом которого является различие результатов, полученных в ситуации S_1 и в ситуации S_2 . Нулевая гипотеза либо принимается, либо отбрасывается. В результате, в ходе этого анализа всегда обнаруживаются значительные различия между испытуемыми. Экспериментатор с легкостью нейтрализует эти различия, но следовало бы знать, почему, решая одну задачу, испытуемые дают разные ответы.

Итак, настало время использовать открытые задачи, т. е. задачи, не имеющие какого-то определенного решения, творческие задачи, сделать анализ наших исследований более тонким, учитывать индивидуальные различия и стремиться их объяснить. Это достигается на уровне больших и легко распознаваемых различий: пол, возраст, социально-экономическая среда; но в будущем следует принимать во внимание и индивидуальные различия. Такой подход позволит сблизить эксперименталь-

ные и клинические исследования. Тогда у нас в руках окажутся начальное и конечное звенья цепи.

Таким образом, можно сказать, что в будущем психология пойдет по пути интеграции знаний, полученных с помощью различных, но взаимодополняющих методов и задач. Наибольший прогресс будет несомненно достигнут благодаря успехам «нейронаук». До сих пор в основном исследовали ситуации, когда мозг был поражен в силу болезни или несчастного случая. В последнее десятилетие мы многое узнали о роли каждого из полушарий мозга, не прибегая к подобным случаям. Психические болезни, известные прежде как расстройства личности, являются теперь объектом изучения биологии, возможности которой значительно обогатились благодаря исследованиям в области генетики.

Я стою за сохранение Единства Психологии:

1) потому что ее объект — человек обладает своей спецификой, и нельзя игнорировать того, что малейшее из наших действий зависит от нашей природы и культуры. Но это не должно быть причиной разделения психологов на тех, кто изучает только мозг, и тех, кто занимается лишь поведением;

2) потому что у нас общий метод: исходя из поведенческих актов исследовать их биологические и личностные условия, а также условия, связанные с окружающей средой;

3) потому что единство, к которому мы придем, не есть единство синтетического знания, а единство все более полного знания сложности и взаимодополняемости систем, которые определяют каждый из наших поступков.

Хотелось бы остановиться на прикладных аспектах психологии. Принимание роли психологов в прикладных задачах претерпело значительную эволюцию. Длительное время психолога считали психотехником, которому поручались задачи отбора персонала, профессиональной ориентации, психодиагностики. В работе опирались на тесты, которые были и остаются удобными констатациями, но их научная обоснованность и надежность являются слабыми. Поэтому большинство специалистов, использующих тесты, называют себя эргономистами, психологами на предприятиях, консультантами по вопросам организации и образования, психосоциологами, психотерапевтами и т. д. Подобную эволюцию можно было предвидеть при условии глубокого анализа детерминант человеческого поведения, которые зависят не только от природы испытуемого субъекта, рассматриваемого с точки зрения его биологии или даже личности. В конечном счете прикладная психология, в строгом смысле этого слова, не избежала бы подводного камня «психологизма», т. е. сведения человека к одному из многочисленных аспектов, будь то IQ, черты личности и т. д.

В прикладной области мы всегда имеем дело с человеком или группой людей, детерминированных тем, что я называл их природой, а также их культурой и особенно системой социальных отношений, в которую они вовлечены. О. Конт ошибался, полагая, что психология невозможна, но он был прав, помещая на вершине гуманитарных наук социологию, которую я понимаю в самом широком смысле.

Становится все более очевидным, что проблемы индивида не могут рассматриваться вне социального контекста. Этот контекст однако не ограничивается рамками описательной социологии. Там, где возникает проблема, следует учитывать философско-политический контекст, в котором она существует.

Чтобы заниматься индивидуальными и социальными проблемами, недостаточно быть только психологами, применяющими на практике знания, приобретенные на университетских психологических курсах. Нельзя решить эти проблемы и лишь с биологических, социологических или

политических позиций; во всех случаях имеет место искажение человеческой реальности и редукционизм.

Я вижу будущее открытым для тех исследователей, которые после специального образования пройдут мультидисциплинарную подготовку. Я не знаю, как их назвать. Сегодня одни называют себя психосоциологами, другие — эргономистами. Я предложил бы назвать этих будущих исследователей антропологами. Я употребляю термин «антрополог», помня о его многозначности. Антропология включает аспекты физические, социальные, культурные и даже философские. Ее цель — изучение конкретного человека с его биологическими характеристиками, живущего в обществе и в данной среде, которая имеет свою систему ценностей. Несколько лет назад я сказал, что будущее в области прикладной психологии принадлежит инженерам гуманитарных наук. Сегодня я предпочитаю говорить об антропологах, подчеркивая тем самым, что их деятельность не может игнорировать систему ценностей общества, членами которого являются и они.

Разумеется, такой антрополог должен владеть методами, которые позволят ему оценивать ситуации и модифицировать их. Эти ситуации все чаще будут определяться формулой «человек и общество», так как мы зависим от общества и в лучшем, и в худшем отношении. В своей практике психологи будут сталкиваться с проблемами эргономики, организации окружающей среды (например, проблема урбанизации), перенаселенности (проблема лиц пожилого возраста), «общества потребления» и «общества нищеты», занимающего треть или четверть мира.

Перед лицом таких проблем психологи не имеют права ограничиваться рамками своей науки. Я надеюсь, что многие из них станут антропологами и что наши университеты сумеют подготовить их к выполнению новых задач.

Я связываю с ними много надежд. Если в области фундаментальных проблем науки можно оставаться беспристрастным исследователем, не пренебрегающим никакой наблюдаемой реальностью, то в практической сфере деятельности будущих антропологов, на мой взгляд, есть место не только для ученых, работающих над улучшением системы, в которой они существуют, но и для тех, чей труд является вкладом в строительство нового общества, более справедливого и гуманного.

Поступила в редакцию
30.IX.1980

ВСТРЕЧИ УЧЕНЫХ

14—15 января 1981 г. в Институте психологии АН СССР находился директор Чехословацкой Академии наук (ЧС АН) доктор М. Кодым. Были обсуждены вопросы научного сотрудничества двух институтов, обмена учеными, научно-издательской деятельности.

Значительное внимание уделено рассмотрению предложений Института психологии ЧС АН, касающихся программы многостороннего сотрудничества по «Социально-психологическим проблемам развитого социализма», координатором которой является Институт психологии АН СССР. В частности, были одобрены направления и темы вышеуказанной проблемы, которые намечено разработать в 1981—1985 гг. институтами психологии ЧС АН и АН СССР. Итогом явится монография «Формирование социалистической личности и социалистического сознания трудящихся».

С сентября 1980 г. в группе психологических проблем общения лаборатории психических процессов Института психологии АН СССР работает Дж. Вебстер (John C. Webster), профессор Рочестерского университета (штат Нью-Йорк, США). Шестимесячная программа его работы в СССР организована по соглашению между Академией наук СССР и Национальной академией наук США.

Проф. Дж. Вебстер является известным специалистом в области восприятия акустических сигналов. Его перу принадлежит ряд работ по восприятию речи в условиях шума. В настоящее время в сферу научных интересов Дж. Вебстера входит также восприятие и понимание речи людьми с ослабленным слухом. (Продолжение см. стр. 69).

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ОБУЧЕНИЯ

ПСИХОЛОГИЯ ОВЛАДЕНИЯ ВТОРЫМ ЯЗЫКОМ

Бенедиктов Б. А.

Речь есть непосредственная действительность нашего сознания, его осуществление. Она занимает центральное место в процессе общения, в функции которого входят «планирование и организация совместной деятельности, познание людьми друг друга, формирование норм морали и принципов человеческого общежития..., развитие межличностных отношений, воспитание коллективизма, разрешение потребностей чувственно-эмоциональной жизни людей и др.» [21]. Психологи, социологи и педагоги подчеркивают особую роль речи в управлении и трудовой деятельности, воспитании и обучении, так как воздействие людей друг на друга является прежде всего речевым. Будучи тесно связанной с психическими процессами, состояниями и проявлениями свойств личности, речь предстает перед наблюдателем и самим ее носителем одновременно с этими явлениями сознания, из-за чего усложняются вычленение и анализ собственной речевой специфики. Кроме того, при наблюдениях за речью в целом (многоязычием и овладением языком, в частности) сложность заключается также в том, что все взаимодействия между людьми и словесный отчет участников общения осуществляются с помощью языка.

Владение несколькими языками (многоязычие) не только распространено, но и естественное явление, особенно в нашей многонациональной стране. Поэтому исследование владения и овладения языками имеет кроме теоретического интереса большое практическое значение. Процесс обучения второму языку нуждается в психологическом обосновании закономерностей владения языком, учете их сложных отношений и взаимовлияний.

Владение языком — это свободное пользование им, благодаря прежде всего достаточному развитию внутренней речи на этом языке; возможностям осуществления в речи психических процессов, состояний и проявлений свойств личности; адекватности существенных темпоральных характеристик речевых процессов динамике сознания и условиям общения. Указанные главные признаки владения языком необходимы и достаточны только в их совокупности.

Развитая внутренняя речь открывает большие возможности для совершенствования способностей, представляя собой едва ли не самую индивидуальную из всех индивидуальных характеристик человека; она участвует в восприятии и воспроизведении громкой речи — при говорении, слушании, чтении и письме завершает или начинает эти процессы. Моменты совпадения внутренней и внешней речи наблюдаются редко и, возможно, являются лишь случаями переходов от отстающего ее положения (относительно внешней речи) к опережающему и обратно.